

К 90-летию со дня рождения Ф. И. ШАЛЯПИНА

ВЕЛИКИЙ ПЕВЕЦ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Осип ЧЕРНЫЙ.

Осип Черный — представитель старшего поколения советских литераторов. Проблемы искусства издавна привлекают внимание писателя, который в молодости окончил консерваторию и в течение ряда лет являлся профессиональным музыкантом.

Перу Осипа Черного принадлежат романы «Музыканты», «Опера Снегина», «Пути творчества», «Пути жизни», повести «Мусоргский», «Римский-Корсаков», «Франц Шуберт» и другие произведения.

Больше всего, пожалуй, в биографии Шаляпина поражают сочность и яркость красок, какими был написан портрет его жизни. И не только в ту пору, когда слава певца стала достоянием мира, а имя его сделалось олицетворением вокального совершенства и гениальной артистичности. Если заглянуть в истоки шаляпинской биографии, то и там в глаза бросятся необыкновенная яркость жизненных впечатлений и быстрая через край радость существования.

...Суконная слобода под Казанью, на Волге, нужда беспросветная; отец, глушащий при помощи водки свои горести.

Где тут искать радостей, если в семье, да и вокруг, царит нищета, и по каждому поводу в ход пускаются кулаки! Но вопреки всему, вспоминая детские годы, Шаляпин писал: «Мне все-таки жилось хорошо. У меня было много товарищей. Мы ловко ходили колесом, лазали по крышам и деревьям, делали самострелы, пускали воздушных змеев. Мы ходили по огородам... воровали репу, огурцы; шлелись по гумнам, по оврагам — везде было интересно, всюду жизнь открывала мне маленькие тайны, поучая меня любить и понимать живое».

Однажды в руки Шаляпина попала сказка о Бове-королевиче. Его поразило то, что простою метлой Бова способен был перебить и разогнать стотысячное войско. Он подумал: «Хорош парень! Вот бы мне так-то!.. Возбужденный желанием подвига, я выходил на двор, брал метлу и яростно гонял кур, за что куровладельцы нещадно били меня».

Много лет спустя глубину и силу перевоплощения, какие были присущи артисту Шаляпину, все признали гениальными. А не была ли гениальной способностью поглощения, какую он был наделен от рождения, его неутолимая потребность жадно впитывать в себя все яркое и живое?

Способность расцветивать все, украшать и делать радостным присутствия Шаляпина всю жизнь. Что же удивительного в том, что и пенне свое он сумел впоследствии сделать источником радости не только для других, но и для себя самого!

Однажды, став известным, ощутив упительный аромат славы, Шаляпин попал на вечер к писателю Николаю Телешову. По средам у него собирались драматурги, артисты, собравшись по перу. На этот раз был, вспоминает Телешов, и приехавший в Москву Максим Горький, которого Шаляпин нежно любил и для кото-

рого петь был готов сколько угодно.

«Шаляпин, как только вошел, сейчас же заявил нам полушуточно: «Братцы, петь до чего хочется!»

Он тут же позвонил по телефону и вызвал композитора Рахманинова и ему тоже сказал:

— Сережа! Возьми лихача и скачи на «среду». Петь до смерти хочется. Будем петь всю ночь!

Когда Рахманинов приехал, Шаляпин не дал ему даже чаю напиток: усадил за инструмент и — «началось нечто удивительное... На него нашло вдохновение. Никогда и нигде не был он так обаятелен и прекрасен, как в этот вечер».

Итак, радость и упоение составляли суть шаляпинского отношения к делу, назначенному ему природой. Но только ли они? Какова была мера труда, которую он вложил, добиваясь совершенства?

В сущности, Шаляпин ни у кого пению не учился. Тифлисский педагог Усатов за какой-нибудь год обучил его приемам вокального мастерства. Усатов, в прошлом отличный певец, выступавший в московском Большом театре, понимал в этом толк. Но дело заключалось и в том, что голос у Шаляпина был, что называется, поставленный от природы. Надо было только обуздать его, научить разумно пользоваться его дарами, раскрыть все скрытые в нем возможности.

Бездомная жизнь, тяжелый труд, голод — ничто не в силах было убить в Шаляпине веру в собственные силы. Незаметный хорист, которому изредка поручают небольшие сольные партии, участник бродячих трупп, распадавшихся то и дело, ко-

чующий то с одной, то с другой из них — из Казани в Уфу, затем в Бузулук, Оренбург, Уральск, в Среднюю Азию и далее, в Баку и Тифлис, — Шаляпин испытывает по временам приступы отчаяния, и он даже помышляет о самоубийстве. Но неистребимая вера в чудо жизни всегда берет верх. Да и как ей иссякнуть при таком огромном врожденном таланте!

Но способен ли один лишь талант формировать облик артиста?

Одна сторона будущей артистической зрелости связана с искусством наблюдения и поглощения. Шаляпин вбирал в себя все увиденное с жадностью необыкновенной. Богатство характеров, типов, пылкое отношение к тому, как в разных жизненных положениях ведут себя люди, — вот та школа, которую проходил молодой певец. Разве можно было бы с таким совершенством сыграть Варлаама в опере «Борис Годунов» Мусоргского, если бы в долгих странствиях по Руси не обозначился для него этот тип бездомного странника, пьянчужки, хитрого, все повидавшего попа-расстриги? Разве поражающие зрителей тонкие и точнейшие черточки, которые внес Шаляпин в образ Варлаама, жесты, мимика, интонация — разве не откладывалось это мало-помалу в его сознании, покамест он скитался по стране?

Да и сам Борис Годунов, — роль которого исполнял Шаляпин впоследствии, — властитель, мечтающий о добре для народа и сжигаемый мыслью о собственном преступлении, разве этот сложный трагический образ не складывался из сотен наблюдений, которые делал на своем пути певец?

Шаляпин обладал даром гениального проникновения в душу героев; обогащая свой жизненный опыт, он сумел стать тончайшим психологом.

Федор Шаляпин работал не только настойчиво, но иступленно. В упорстве поисков он порой доходил до отчаяния и тяжких сомнений. Сколь-

ко раз приходилось его другу и душевному попечителю Максиму Горькому приводить в равновесие эти мятущиеся силы души, чтобы вер-

нуть радостную веру в себя! Обладая гениальным даром, надо было еще обладать демонической страстью неудовлетворенности, чтобы стать тем Шаляпиным, который потряс позже весь мир.

Вот почему позже, ощутив все могущество достигнутого и завоеванного, он считал себя вправе учить других и требовать от партнеров такого же совершенства и такого же беззаветного отношения к искусству. В своих требованиях Шаляпин был неумолим. Он знал, что театр — это единое целое, где каждая частица должна быть отшлифована идеально, и все подчиняется цельному замыслу. Тут все было в нем сродни идеям, которые выдвинул великий реформатор сцены Константин Станиславский.

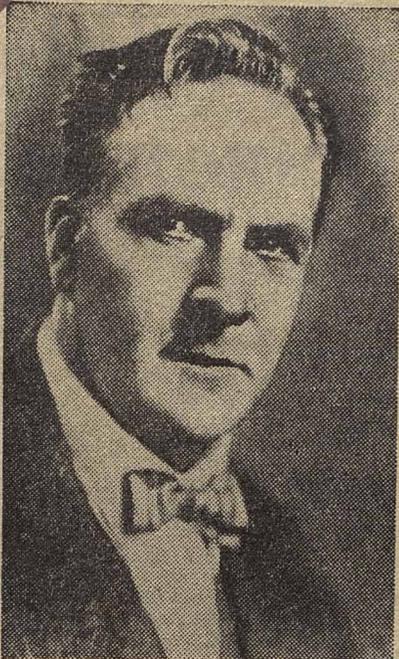
В полной мере познал Шаляпин цену труда и настойчивости, соединенных с вдохновением. То, что он создал, колоссально по своим размерам и значению. В памяти человечества сохраняются его Борис, Мефистофель, Варлаам, Пимен, князь Галицкий, Иван Грозный, Мельник и многие, многие другие оперные образы, запечатленные им с гениальной рельефностью.

Простой русский паренек из слободы, проживший двадцать лет с лишком в нищете и темноте, поднялся до недостижимых высот артистизма, стал великим певцом земли русской. Как тут не вспомнить другого волжанина, титана из той же гвардии русских художников Максима Горького!

Тот и другой прошли путь от «дна» жизни до ее вершин, до огромных художественно-психологических обобщений.

Тот и другой являются художниками особой российской складки — с необычайной душевной широтой, емкостью, масштабностью и жизнелюбием. Выйдя из недр народа, они обогатили духовно свой народ, а тем самым и все человечество, которое всегда будет благодарно им за это.

(АПН).

Федор Иванович
ШАЛЯПИН

Снимок сделан в 1927 году.

Фотохроника ТАСС.